

РЕЦЕНЗИИ

ЛИТОВСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ¹

Новый литовско-русский словарь А. Либериса, вышедший в свет из печати в канун 1972 г., — большое достижение литовской лексикографии. Это самый полный литовско-русский словарь (в дальнейшем — ЛРС), который, безусловно, будет нужен „не только лицам, изучающим русский язык, но и переводчикам, работникам печати, постоянно сталкивающимся с вопросами перевода с литовского языка на русский“ (стр. 6).

Рецензируемый словарь отличается от других ЛРС прежде всего количеством слов (более 50 000). По сравнению с другими словарями такого типа, он является в большей степени нормативным: внелитературные и стилистически окрашенные слова сопровождаются соответствующими пометами, довольно хорошо иллюстрируется словоупотребление, характерное для литовского и русского языков и т.д. Особенно положительным является стремление автора раскрыть в примерах особенности употребления слов, показать общие и различные закономерности построения определенных конструкций, что нередко зависит от глагольного управления или вообще от специфики литовского или русского языков (ср. словарные статьи *akiniai*², *džiaugtis*, *imitis*, *kalbėtis*, *katė*, *nukreipti*, *studija*, *uogauti* и мн. др.).

¹ A. Lyberis. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. Leidykla „Mintis“, Vilnius, 1971.

² По техническим соображениям ударение не обозначается.

Значения многозначных слов в ЛРС почти всегда выделяются отдельно и часто иллюстрируются удачно подобранными примерами. Это особенно важно в тех случаях, когда литовское многозначное слово переводится на русский язык несколькими словами, соответствующими отдельным значениям (ср. словарные статьи *akis*, *atostogos*, *dantis*, *greitas*, *pietūs*, *priklausyti*, *žalias* и др.). Такой дифференцированный перевод значений и наличие характерных словосочетаний с данными словами, безусловно, будут способствовать преодолению явлений так называемой семантической интерференции. Правда, наличие одного-двух примеров при некоторых словах, трудных для литовцев, явно недостаточно. Это, видимо, чувствовал и автор словаря, так как в предисловии отмечено, что „дальнейшее пополнение словника, иллюстративного материала (...) остается задачей будущего“ (стр. 6—7).

В новом ЛРС, кроме общеупотребительных слов, имеется много терминов, иностранных слов, а также немало внелитературных слов. Хотя в предисловии указано, что диалектизмы, слова разговорной речи и т.д. „снабжены соответствующими пометами“ (стр. 6), но в словаре это делается непоследовательно. В ЛРС находим много слов указанного типа, которые пометами не сопровождаются, ср.: *ėžeņa*, *duoba*, *įsnaigas*, *kvakėti*, *ledžinga*, *makasyti*, *retys*, *vakartis* (*žem.*,

см. DLKŽ³); *burgėti, gvoja, širtas (tarm., — DLKŽ)*; *rūgštelė, šoris (ryt., ryt. dz., — DLKŽ)*; *dalykas* в 3-м значении „приданое, доля“ (*psn., — DLKŽ*), *staburis, mergėsė (šnek., — DLKŽ)* и др. Правда, словарь современного литовского языка в настоящее время является несколько устаревшим, но едва ли можно упомянутые слова безоговорочно считать литературными, уже не нуждающимися в пометах. В связи с этим хочется отметить, что наличие некоторых диалектных и устаревших слов в ЛРС вообще является сомнительным, так как в литовском литературном языке они употребляются очень редко. То же самое можно сказать о многих словах терминологического характера, так как некоторые из них являются сугубо специальными (ср.: *lapavaisis, skylėtbudėš*), другие — в настоящее время малоупотребительными (ср.: *juodlubėš*). Видимо, принципы отбора слов могли быть более продуманными и строгими.

Существенным недочетом ЛРС, на наш взгляд, является то, что русские слова указанного типа (за исключением единичных случаев, ср. *psn. зреть*, стр. 630) даются без соответствующих помет. Поэтому некоторые слова, приводимые автором в качестве синонима в переводах значений литовских слов или примерах, являются как бы неуместными, так как соответствующие литовские слова этими стилистическими оттенками не обладают. Например, *устар., поэт.*⁴ слово *око* наряду со словом „глаз“ (ср. *akis*, стр. 25); *устар. зеница* и пример „беречь как зеницу ока“ ко 2-му значению слова „lėlytė“ (стр. 361); ср. тот же пример (как фразеологизм) при слове „*vyzdys*“ (стр. 863); *спец. и разг. ездка* в пе-

реводе слова „*reisas*“ (стр. 631); *разг. спальная* рядом со „спальня“ (ср. *miegamasis*, стр. 388); *спец. и обл. веселка* (ср. *menturis*, стр. 386); *обл. писанка* (ср. *marginis*, стр. 378) и мн. др. Правда, некоторые упомянутые слова отделяются от предыдущих точкой с запятой, видимо, как „более далекие“ по значению (ср. стр. 17). Нам кажется, что изучающим русский язык важно знать не только два-три или более слов, при помощи которых переводится литовское слово, но и сферу употребления, стилистическую окраску этих слов. Отсутствие помет, видимо, в какой-то степени является причиной того, что в письменных работах поступающих в вузы, в устной речи студентов и других лиц нередко встречаются ошибки неуместного употребления слов в стилистическом отношении, вроде „что-то попало в око“ и т.п.

Перевод слов и отдельных значений слов литовского языка в ЛРС в целом является правильным, удачным. Однако перевод некоторых слов, на наш взгляд, нуждается в уточнениях. Прежде всего обращает на себя внимание не совсем точный перевод интенсивно-кратных глаголов литовского языка. Например, перевод глагола *rėkauti* отличается от перевода глагола *rėkti* („кричать; орать“, стр. 631) лишь наличием еще одного синонима „горланить“ и пометой *įst.*; то же самое можно сказать о переводе глаголов *ūžauti* (стр. 811) и *ūžti* (стр. 830) и нек. др. Соответствующие по значению глаголы русского языка в данном случае отсутствуют. Чтобы сохранить оттенки повторяемости и интенсивности действия, следовало переводить эти глаголы описательным путем, т.е. при помощи глагола и соответствующих наречий. Наречие используется, например, при переводе глагола *stūgauti* „завывать; сильно выть“ (стр. 695). Довольно часто так переводятся и уменьшительно-кратные глаголы, которые тоже не всегда

³ Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1954.

⁴ Пометы и значения слов даются по „Словарию русского языка“, I—IV, АН СССР, М., 1957—1961.

имеют соответствующие по значению и образованию глаголы в русском языке (ср.: *kosčioti* – „покашливать“, а также словарные статьи *griuvinėti, kalsnoti, laistinėti, sirginėti* и др.). Правда, слова „сильно“, „часто“, „по truputį“ и т.п. передают только один оттенок значения вышеуказанных глаголов литовского языка, но такой перевод является более точным по сравнению со следующими: „*dangstinėti* (...) *mžb.* покрывать, прикрывать“, „*dangstyti* (...) *džn.* покрывать, прикрывать“ (стр. 133), „*rykauti* (...) *įst.* кричать, орать“ (стр. 636) и др., где оттенки интенсивности, повторяемости, уменьшительности или неполноты действия вообще не сохраняются.

Указанные пометы уточняют лексическое значение литовских глаголов и едва ли восполняют тот пробел, который допускается в переводе этих глаголов на русский язык. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности и функциях такого рода помет в двуязычном словаре вообще. Думается, что о значении данных литовских глаголов русский будет судить не по этим пометам, а по переводу, который, как уже говорилось, не всегда является точным. По той же причине литовец не сможет сделать доброкачественный перевод на русский язык. На наш взгляд, пометы, характеризующие способ глагольного действия, должны служить как бы объяснением того, почему тот или другой литовский глагол переводится описательным путем. Такую функцию иногда выполняют упомянутые пометы или, например, помета *prž.*, указывающая на каузативность глагола, ср.: *kirsdinti* „заставлять (поручать) рубить“ (стр. 327). Но она имеется только при некоторых каузативных глаголах и, возможно, поэтому ее нет в списке условных сокращений (см. стр. 19–20).

С другой стороны, некоторые сомнения вызывает и сама система помет,

характеризующих способ глагольного действия. Например, неясно, почему отсутствует помета, указывающая на однократность, мгновенность действия, хотя глаголы такого типа тоже не всегда имеют прямые соответствия в русском языке, ср.: *aiktelėti* – „охнуть, ахнуть“ (стр. 24), *linktelėti* – 2. „кивнуть“ (стр. 368), но *kilstelėti* – „приподнять“ (стр. 326), *smogtelėti* – „нанести (наносить) удар; ударить, ударять“ (стр. 679) и др. Пометой *mžb.*, указывающей на деминитивность действия, почему-то не сопровождаются бесприставочные глаголы с суффиксом *-telė-ti*, ср.: *linktelėti* – „1. немного согнуться, склониться“ (стр. 368), *pyktelėti* – „немного рассердиться, надуться“ (стр. 552), *senstelėti* – „немного постареть (стареть)“ (стр. 658) и др.

Не совсем точно в ЛРС переводятся и некоторые отдельные слова. Например, слово *sprandas* („задняя часть шеи“, – *DLKŽ*) переводится „затылок; шея“ (стр. 686). Следовательно, слово „шея“ в данном случае имеет „более далекое“ значение, так как отделяется точкой с запятой (см. стр. 17). Но слово „затылок“ обозначает „заднюю часть черепа или головы“ и соответствует слову *pakaušis* (ср. стр. 470). Слово *lapas* также переводится двумя словами „лист; лепесток“ (стр. 358), несмотря на то, что „лепесток“ имеет другое значение – „отдельный листок из венчика цветка“, т.е. по значению соответствует слову *žiedlapis*, которое так и переводится (ср. стр. 871). Неточный перевод слова *agurotis* словом „дыня“ (стр. 23) вместо „кабачок“; то же самое можно сказать о слове *lengvasvorininkas*, которое переводится словом „маловес“ (стр. 362) вместо „легковес“. Не совсем соответствует по значению слову *karpinis* – „выкройка“ (стр. 314), которое обозначает „образец для кройки“ То же самое можно сказать о переводе второго значения слова *inkilas* словом „борть“, которое обозначает улей самого

простого устройства, „представляющий собой дупло или выдолбленный чурбан“. Едва ли правильно слово *šlynas* переводить словосочетанием „тяжелая глееватая глина“ (стр. 768), так как слово „глей“, судя по словарю В. Даля (в других толковых словарях русского языка это слово не зафиксировано), тоже имеет значение „глина, глинистая почва“ (с пометой *нвр.*).

Слово *klumpė* в ЛРС переводится „деревянный башмак; сабо“ (стр. 334). Наличие французского по происхождению слова „сабо“ в данном случае нам кажется неуместным по двум причинам. Во-первых, это экзотическое слово употребляется при описании быта народа Франции или Бельгии. Во-вторых, это литовское слово очень часто в переводах художественной литературы на русский язык уже не переводится. Следовательно, вместо слова „сабо“ в ЛРС должно было быть „клумпы“, так как это слово отражает своеобразие быта литовского народа. Кроме того, даже в данном словаре другие слова такого характера на русский язык тоже не переводятся, ср.: *клумпакойс, скилардис, скудутис*. Следует отметить, что некоторые неточности встречаются и в иллюстративном материале, ср.: „языковая литература“ вместо „лингвистическая, языковедческая“ (см. *kalbinis*, стр. 308) и др.

Можно привести еще целый ряд слов, которые переводятся не совсем точно, но не это является главным. Беспокойство вызывает другое: почти все эти недочеты имелись и в ЛРС, изданном в 1962 г. Следовательно, при переиздании словаря необходимо будет очень тщательно проверить все переводы слов и иллюстративный материал.

Значения многих слов в ЛРС переводятся несколькими словами-синонимами. Однако в некоторых случаях наличие того или другого синонима является спорным, так как по значению он не

совсем соответствует литовскому слову. Например, *rikteleiti* — „крикнуть, закричать“ (стр. 637), *bail|sis, ~ umas* — страшный характер, страх; ужас“ (стр. 102) и др. Наряду с этим встречаются словарные статьи, в которых наличие того или другого синонима было бы очень желательным. Прежде всего это те случаи, когда одно литовское слово покрывает значения двух русских слов-синонимов, напр.: *bulvė* — „картофель“ (стр. 123) и „картошка“; *kakta* — „лоб“ (стр. 308) и „чело“; *draustinis* — „заказник“ (стр. 151) и „заповедник“; *kėlinys* — „половина игры“ (стр. 320) и „тайм, период“ и др.

В инструкции указано, что „если литовское заглавное слово имеет несколько значений, то каждое значение отмечается арабской цифрой с точкой“ (стр. 17). Однако значения некоторых многозначных слов в ЛРС почему-то не дифференцируются. Иногда все (или почти все) значения переводятся целым рядом слов-синонимов. Например, глагол *raitytis*, как и *raityti*, имеет несколько значений, однако в ЛРС он дается как однозначное слово, ср. перевод „извиваться (*pvz. gyvatė*); изгибаться; виться, петлять“ (стр. 623; ср. также *svyruoti, svoris* и др.). В других случаях значения многозначных слов раскрываются только в примерах, ср. словарные статьи *jausti, partija, pilnakraujis, ranka* и др. А некоторые многозначные слова просто переводятся одним словом, ср.: *gastronomas, rolė* и др.

Следует также отметить, что отдельные значения некоторых общеупотребительных слов в ЛРС вообще не учитываются. Например, слово *treningas* в литовском языке имеет два значения: „тренировка“ и „спортивный тренировочный костюм“ (ср. *DLKŽ*). В ЛРС почему-то дается только первое значение этого слова. Так как второе значение не является характерным для соответствующего русского слова, думается, оно должно

было бы найти место в двуязычном словаре. Значение „носитель говора“ в ЛРС передается как бы при помощи указания на формы единственного числа, ср.: „*dzūk//ai, vls. ~as, ~ė* (2) дзуки (литовский восточный говор)“ (стр. 160). Не найдем в этом словаре значения слова *laida*— „передача“, слова *laivas* в значении „космический корабль“, *raštas* в значении „почерк“, *nešti* в значении „собрать (мед.), вить (гнездо)“ и др.

Видовая система литовского глагола, как известно, отличается от той же системы русского глагола почти полным отсутствием видовых коррелятивных форм. Поэтому перевод литовских глаголов (особенно приставочных) с этой точки зрения на русский язык в двуязычных словарях всегда вызывает определенные затруднения. Некоторую непоследовательность в переводе литовских приставочных глаголов наблюдаем и в данном ЛРС.

Все приставочные глаголы, видимо, считаются автором глаголами совершенного вида. Они, в отличие от русских, „имеют настоящее время, которое (как и прошедшее многократное) по-русски переводится соответствующей формой глаголов несовершенного вида. Поэтому перевод таких глаголов на русский язык дан в словаре при помощи форм обоих видов, как совершенного, так и несовершенного (...). Глагол несовершенного вида в таких случаях обычно нужно рассматривать не как перевод неопределенной формы глагола (инфинитива), а как форму, необходимую для перевода настоящего и прошедшего многократного времени литовского глагола, а также для перевода некоторых других форм...“ (стр. 16); ср. словарные статьи *apaugti, atsibusti, įbausti, perkirsti* и мн. др. Как отмечается в инструкции, глагол несовершенного вида дается на втором месте или „в скобках, если он дан без приставки и его бесприставочное значение более

отдалено от значения данного приставочного глагола в литовском языке“ (стр. 16). Но иногда глагол несовершенного вида дается в скобках и в тех случаях, когда по значению он, на наш взгляд, является необходимым. Это перевод так называемых двувидовых глаголов, которые не только имеют форму настоящего времени, но и употребляются в основном его же значении, ср.: „*atkrypuoti* (...) прийти (приходить) покачиваясь“ (стр. 77); то же самое — *atšvytuoti, parbėgti, parbildėti, parlydėti, parvaryti, parvažiuoti* и др. Следует отметить, что некоторые двувидовые глаголы переводятся более правильно, т.е. при помощи форм обоих видов, ср.: *ateiti, išėiti, išvesti, įvesti, pareiti, parvesti* и др.

Едва ли можно считать правильным перевод одновидовых глаголов совершенного вида формами обоих видов, ср.: *grįžtelėti* — „вернуться, повертываться; обернуться, обертываться“ (стр. 198); *šūktelėti* — „вскрикнуть, вскрикивать; воскликнуть, восклицать“ (стр. 772) и др. Если согласиться с точкой зрения автора, что форма несовершенного вида нужна для перевода прошедшего многократного времени, то тогда остается неясным, почему многие однократные глаголы переводятся только глаголом совершенного вида, ср.: *aiktelėti, cyptelėti, dirstelėti* и мн. др.

Кроме указанных недочетов, в ЛРС имеется еще целый ряд непоследовательностей, которые, на наш взгляд, объясняются неразработанностью некоторых спорных вопросов лексикографии вообще. Это вопрос о разграничении явлений полисемии и омонимии (выделение некоторых слов в качестве омонимов и подача других как многозначных в ЛРС вызывает сомнения), о выделении и подаче фразеологических словосочетаний в словаре и т.п. Эти недочеты наблюдаются не только в данном двуязычном словаре — они характерны почти для всех наших словарей.

Так как двуязычные словари составляются на основе одноязычных, видимо, об этих спорных вопросах следует поговорить отдельно и в дискуссионном порядке.

В заключение хочется затронуть еще один вопрос. Двуязычные словари, как известно, довольно часто составляются полугнездовым способом, т.е. некоторые слова даются в одной словарной статье, если это не нарушает алфавитного порядка. Таким же способом составлен и данный ЛРС. Поэтому „в целях экономии места“ (стр. 15) создаются самые разнообразные гнезда слов, выделяется лингвистически неоправданная общая часть слова.

Такое расположение слов прежде всего затрудняет нахождение слов в словаре, напр., слово *ausis* находится в гнезде с заглавным словом *ausinés*; *graudus* — в гнезде *graudulys* и т.д. Поэтому составители некоторых двуязычных словарей уже почти полностью отказались от полугнездового способа. Например, в русско-чешском словаре в одной словарной статье даются только существительные женского рода, образованные от мужского рода со значением деятеля, а иногда возвратные и невозвратные глаголы⁶.

С другой стороны, думается, нельзя все это объяснять только экономией места в словаре. Видимо, следует подумать о других путях экономии. Например, можно отказаться от некоторых диалектных и малоупотребительных слов, от некоторых терминов; можно не включать

в словарь и некоторые иноязычные слова, которые не отличаются по значению и по написанию (ср.: *absurdas* — „абсурд“, *defektas* — „дефект“, *kapronas* — „капрон“ и т.п.); можно не помещать фразеологические словосочетания при каждом его компоненте и т.д. Кроме того, едва ли нужно увеличивать объем словаря ссылочными словами, напр.: *gyvija žr. gyvūnija*; *gyvimas žr. 1. gyvis, 2. gyvojas* (стр. 188); *obelė žr. obelis* (стр. 453) и мн. др. Но в таком случае принципы составления словаря должны быть хорошо продуманными.

Неприятное впечатление оставляют незамеченные ошибки и некоторые неточности технического характера. Например, в конце предисловия сказано, что „использованная лексикографическая литература указана в конце литовского предисловия словаря“ (стр. 7). Но так было в словаре 1962 г. В данном ЛРС этот список дается совершенно отдельно после предисловия на русском языке (ср. стр. 8). В инструкции указано, что омонимы „даются в отдельных словарных статьях и обозначаются римскими цифрами“ (стр. 15). Однако многие омонимы находим в каком-нибудь гнезде слов, ср. гнезда с заглавными словами *balandinė, dalyvinis, drausti, sargyba, zirzėjimas* и др. Некоторые же слова-омонимы в ЛРС составляют одно гнездо, т.е. даются в одной словарной статье, ср. *eilinis, sidabrinis, svečias, vandenis, vasaris* и др.

Хочется пожелать, чтобы в новом издании ЛРС принципы составления словаря были более строгими, а отступлений от этих принципов было гораздо меньше.

Э. А. Галнайтите

⁶ Русско-чешский словарь. Составил Й. Влчек. Изд. „Советская энциклопедия“, М., 1968.